

Р.Ш.Насибуллин (Ижевск)

ОБЩЕПЕРМСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКИ УДМУРТСКОГО И КОМИ ЯЗЫКОВ*

После сложения самостоятельных удмуртского и коми языков в обогащении состава их лексики продолжают действовать почти идентичные тенденции: вырабатываются или заимствуются новые словообразовательные суффиксы для выполнения одинаковых функций. Так, например, коми словообразовательный суф. — лун, созданный из самостоятельного слова лун 'день' и удмуртский суф. лык, заимствованный из татарского языка, служат для создания абстрактных имен существительных, обозначающих название качества. Эти существительные обычно образуются от качественных имен прилагательных, например: удм. леклык 'гнев, зло, злость' от лэк 'злой, сердитый', кз. леклун 'злость' от лэк 'злой'. Формирование корпуса сочинительных союзов в пермских языках в основном происходит за счет заимствований из тюркеских и русского языков. Примеры из удмуртского языка: а (< русск. а), и (< русск. и), но 'и' (< русск. но), да 'и, да' (< русск. да), оло (диал. оллю) 'или, либо' (< тат. әлиә 'тж'), или (< русск. или), либо (< русск. либо), оло — оло 'либо - либо' (< тат. әлтә 'тж'), либо — либо (русск. либо — либо); примеры из коми-зырянского языка: а (< русск. а), али (< русск. али, или), да 'да, и, но' (< русск. да), либо — либо (< русск. либо — либо) и т.д.

Как и в прежние этапы развития языка, процесс номинации новых понятий идет как по линии создания более краткого однословного имени, так и по линии построения атрибутивных словосочетаний, в которых в качестве определяемого слова часто выступают видовые названия объектов. Все увеличивается вес заимствованных слов.

Судьба атрибутивных словосочетаний складывалась по-разно-

*Статья написана на основе доклада, сделанного на У1 Международном конгрессе финно-угроведов, который проходил в Сыктывкаре в 1985 г.

му. Одни словосочетания либо дошли до наших дней, превращаясь в сложные слова типа удм. вуко "мельница" (ву "вода", ко < кӧ "камень, жернов"; букв. "вода-камень"), чужкушман "морковь" (чуж "желтый" < слав. рыжий, кушман "редька"); пӧсьтурьн "перец красный" (пӧсь "горячий, жгучий"; турьн "трава"), пунысюл "вьюнок полевой" (пуны "собака, собачий", сюл "кишка"); кз. понзор "овсюг" (пон "собака, собачий", зор "овес"), чунькытш "перстень" (чунь "палец", кытш "круг"), пызандора "скатерть" (букв. "настольный колст"), ср.-удм. жӧккышет "скатерть" (жӧк "стол", кышет "платок", букв. "настольный платок"). Подобные принципы номинации новых реалий характерны и другим финно-угорским языкам: эрз. ведьгев "мельница" (букв. "вода-камень": ведь "вода", гев "камень"), дурак куяр "тыква" (букв. "дурацкий огурец"), гмар. когоохырец "тыква" (кого "большой", охырец "огурец", роколма "картофель" (букв. "земляное яблоко": рок "земля, земляной", олма "яблоко") и т.д.

Некоторые атрибутивные словосочетания подвергались изменениям. Обычно они упрощались до отдельного слова путем выпадения определяемого слова, например, удмуртское немьч курег "индюк" (букв. "немецкая курица") в большинстве диалектов удмуртского языка приняло форму немьч "индюк", форма немьч курег сохранилась в архаическом шошминском диалекте и в первой грамматике удмуртского языка (Сочинения 1775: 74). Собственно удмуртское название колодца коросо ошмес (букв. "родник с опалубкой") изменилось в корсо (< коросо). В удмуртском названии радуги вуюись (букв. "пьющий воду": ву "вода", юись "пьющий" также, видимо, выпало определяемое слово, так как удмуртские легенды говорят о том, что верховный бог — бог-громовержец превращается в многоцветную красочную дугу, опускает концы в разные реки, вытягивает оттуда воду и снова брызгает ее по всему поднебесью. Надо полагать, что первоначальное название радуги в удмуртском языке имело форму вужюись куазь, букв. "воду пьющий бог". На возможное существование такой формы в прошлом намекает другое название радуги — куазь вужюэм "водопитие бога". Другое диалектное название радуги вужюись пукран (букв. "пьющий воду пояс") указывает, кто пьет воду. В этом названии слово "бог" заменено словом "пояс". Этот вариант названия радуги более позднего происхождения, чем вужюись куазь.

Случаи выпадения определяемого слова обнаруживаются и в коми языке. В частности, в коми-зырянском языке вӧрса "лещий" и васа "водяной", на мой взгляд, формировались от слово-

сочетаний вӱрса морт "леший" (букв. "лесной человек") и васа морт "водяной" (букв. "водяной человек"). В удмуртском языке названия этих мифических существ сохранились в архаической форме, ср. удм. вумурт "водяной" (ву "вода", мурт "человек"), нюлэсмурт "леший" (нюлэс "лес, лесной", мурт "человек"), нюлэс нюня "леший" (нюлэс "лесной", нюня "дядя"). После заимствования болгарского слова кузё "хозяин" в удмуртском языке по аналогии возникли такие словосочетания: вукузё "водяной" (букв. "хозяин воды") и нюлэс кузё "леший" (букв. "хозяин леса"). Исследователи коми языка считают (СКЯ 1955: 93; Тараканов 1982: 30), что коми-зырянское кузь "леший" является словом болгарского происхождения от слова кузя (ср. чув. хуса "хозяин", удм. кузё "хозяин"). Однако нам представляется, что кз. кузь "леший" происходит от общепермского слова кузь "длинный", первоначально входившего в состав атрибутивного словосочетания кузь морт "леший" (букв. "длинный, долговязый человек"), а позже определяемое слово морт "человек" выпало по аналогии, как и в вышеприведенных коми наименованиях лешего.

В пермских и других финно-угорских языках атрибутивные словосочетания, не подвергшиеся сокращению, часто заменяются заимствованными словами, например, название моркови чуж кушман (чуж "желтый", кушман "редька") в североудмуртских говорах заменено русским заимствованием морковь "морковь", а на юге — татарским словом кешыр "морковь"; вместо курыт пот "польнь" (букв. "горькая лебеда") северные удмурты употребляют русское заимствование польнь, а на юге — татарское слово арым; слово вал дурет (вал "лошадь", дурет "то, чем можно подковать, заковать") в языке северных удмуртов заменено русским заимствованием подкова, а на юге — татарским словом дага. В удмуртском и эрзянском языках сохранились названия мельницы, образованные путем словосложения, а в коми и мокшанском языках они заменены русскими заимствованиями (кз. мельница, мокш. меленця). Слово ай курог "петух" (букв. "самец-кураца"), бытовавшее еще в ХУШ в. в коми языке, представляет из себя реликтовое название петуха в общепермский период, теперь оно всюду заменено заимствованными словами из башкирского и русского языков (атас, петок, петук).

В удмуртском и коми языках продолжается создание сложных слов, компоненты которых между собой являются синонимами: удм. пудо-живот "животное; скот, скотина"; выт-кӱрсь "мелкий сбор" (выт "подавать, дань", кӱрсь "подать; общественный сбор"), сильтӧл "ураган, буря", улвай "сучья, ветви", ю-нянь

"хлеба, жито в закромах"; кз. рожабан "лицо" и т.д.

При образовании другой группы сложных слов, состоящих из словосочетаний, берутся названия двух видовых понятий и из них создаются названия родовых понятий. Этот способ словообразования продолжает оставаться продуктивным и по сей день: удм. ымныр "лицо" (ым "рот", ныр "нос"), узы-боры "ягоды" (букв. "земляника-клубника"), нымы-кибы "мелкое насекомое" (нымы "мошка", кибы "букашка, жук"), книга-газет "печатная продукция"; кз. вөр-ва "природа" (букв. "лес-река"), гут-гаг "насекомое" (букв. "муха-жук").

В отдельных пермских языках произошло обновление состава лексики путем замены одного слова другим. В удмуртском финно-угорское ур "белка" заменено словом коңы, которое по происхождению является русским (?славянским) заимствованием. Как и коми ур, удмуртское коңы (< русск. куна куница) употребляется в значении "белка" и "копейка". Слово ур в удмуртском языке сохранилось в составе сложного слова урвось "обряд изгнания шайтана", "весеннее моление". Но в большинстве сложных слов, в которых употреблялось слово ур, произошла замена его словом коңы: удм. коңыбыж "хвощ полевой", ср.кз. урбож "хвощ луговой", "хвощ лесной"; удм. коңыгуби "рыжик" (гриб), ср.кз. уртшак "сыроежка" (гриб) и т.д. В удмуртском имеются такие слова, как дйсь "одежда", урбо "клоп" и многие другие, которые созданы самим удмуртским народом после отделения от коми.

В последнее тысячелетие новые реалии и понятия и соответственно названия к ним у пермских народов в основном появляются под влиянием русско- и тюркоязычных народов. Булгаризмы, а затем татаризмы в удмуртский язык проникали через южные говоры удмуртского языка. Более двадцати булгаризмов проникли и на территорию проживания коми населения. Такое свободное перемещение булгаризмов на север происходило в УШ-ХI вв. н.э. В связи с появлением русского населения на коми земле свободные клетки коми языка постепенно заполняются русскими заимствованиями, употребляющимися в том же значении, что и булгаризмы, заимствованные через удмуртский язык. С этого времени булгаризмы уже становятся ненужными для коми языка. В XII в. русское население появляется и на территории проживания северных удмуртов. Однако в XII-XIV вв. в язык северных удмуртов русизмы проникают в незначительном количестве, потому что здесь еще давали о себе знать булгаризмы, которые уже были усвоены северными удмуртами. В зависимости от времени проникновения в язык одни тюркизмы продвигались

значительно глубже на север, другие находились в пути на разном расстоянии друг от друга. Вскоре их дороги были преграждены русскими заимствованиями, перемещавшимися к ним навстречу с севера на юг. Так появляются линии конфронтации параллельно заимствованных слов из русского и тюркского языков. Линии встреч самых ранних параллельных тюркских и русских заимствований (например, кз. онер "седло" (< булг.) и седло "седло" (< русск.) проходят сперва на территории проживания коми населения, потом — на территории проживания удмуртов, располагаясь все южнее и южнее. А линии наиболее поздних заимствований проходят на самом юге Удмуртии. На свободных картах линии встреч параллельно заимствованных слов напоминают годичные кольца древесины на ее распиле. По этим линиям можно провести хронологизацию слов, проникших в удмуртский язык. В пермских языках насчитывается около 2000 пар параллельных русско-тюркских заимствований. Это обстоятельство создает идеальные условия для изучения диалектов пермских языков методом лингвистической географии.

Количество русских заимствований дооктябрьского периода в отдельных пермских языках пока еще окончательно не уточнено. В известной работе Яло Калимы, выпущенной в 1911 г., содержится около 2800 слов (Kalima, 1911). Эта работа завершена Калимой к 1906 г. и не включает слова, проникшие в коми язык с начала XX столетия. Предоктябрьские 17 лет были отмечены бурными событиями, способствующими усвоению русских слов пермскими языками в довольно большом количестве. Об этом свидетельствуют, например, памятники удмуртской письменности, зафиксировавшие немалое число русских заимствований (удмуртские календари, учебники, уставы кредитных товариществ, книги по сельскому хозяйству, газета "Войнась ивор" и многие другие). В целом памятники удмуртской письменности дооктябрьского периода содержат около 3000 русских заимствований. Русский язык в указанный промежуток времени повлиял значительно больше на коми язык, чем на удмуртский. Гипотетически можно полагать, что в коми языке в предверии Октября уже имелось более 3500 слов русского происхождения.

В пермских языках пополнение словарного состава шло также и за счет употребления слов в новом значении. Например, удмуртское слово жыжы первоначально обозначало пенек (комель птичьего пера (тылы жыжы). Позже жыжы стало употребляться еще в другом значении — для обозначения стерни, жнивья (куро жыжы). Коми ытшкыны "косить" вначале употреблялось в значении "щипать, выдергивать, теребить". В связи с появлением

косы процесс косьбы в коми языке стал называться этим словом.

Употребление собственных имен в значении нарицательных в пермских языках представлено крайне редко. В удмуртских диалектах имеются названия паужина, которые образованы от личных имен: ондыр обед (букв. "обед Андрея"), кашти́ обед (букв. "обед Каштия"). Эти названия паужина, надо полагать, произошли от имен тех людей, которые первыми регулярно устраивали паужины. Слово ардым "жеребец" в языке удмуртов Куединского района Пермской области произошло от названия жеребца арденской породы лошадей, завезенного в местный конный завод. Названия василька кинайсыська, кинайча, кинай, на мой взгляд, по происхождению являются также словами, связанными с личным именем. Другое наименование василька карагуртсыська имеет связь с названием деревни. Все эти нарицательные названия объектов, которые произошли от собственных имен, являются узколокальными словами.

Из всего вышеизложенного следует сделать вывод, что в развитии лексики отдельных пермских языков прослеживаются почти одни и те же тенденции.

Соращения

гмар. — горно-марийский язык; кз. — коми-зырянский язык; мокш. — мокшанский язык; русск. — русский язык; СКЯ — Современный коми язык. 1. Фонетика, лексика, морфология. — Сыктывкар, 1955; слав. — славянский язык; тат. — татарский язык; удм. — удмуртский язык; эрз. — эрзянский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка 1775, Санкт-Петербург.

Тараканов И.В. 1982, Заимствованная лексика в удмуртском языке, Ижевск.

Kalima J. 1911, Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen, Helsingfors.